

критик попутно касается статьи г. Лихонина «Вельтман и его Сочинения», которую Белинский определяет как «эстетико-критико-литературно-философскую». Здесь он дает волю своему сарказму, говоря: «Если употребить сравнение, взятое из физики, то статью об «Аустерлицком Мосте» можно назвать явлением мыслительности *лучистой*, а статью г. Лихонина игрой *свободного* самозмышления» [4: 276]. Все мысли Лихонина подвергаются насмешливой критике. Сделав несколько ироничных, хлестких замечаний по поводу статьи Лихонина, Белинский заключает: «Мы взяли говорить не о чьих-либо статьях, а вообще о проявлении признаков мыслительности и жизни в «Московском Наблюдателе». Нам кажется, что мы выполнили свое дело как должно, со всем беспристрастием. Дальнейшие наблюдения над этими гальваническими сотрясениями «Наблюдателя» мы рады сообщать публике, если они будут проявляться в новых, любопытных формах. К сожалению, отличительный характер всего «светского» есть какое-то однообразие и с тем вместе скорая от всего отходчивость. Мы боимся, чтобы «Наблюдатель» не истощил всех сил этим необыкновенным напряжением, и не погрузился-бы в летаргию, глубже и непробуднее прежней» [4: 277].

Пример этой полемической перебранки дает представление о том, насколько напряженными и подчас неприязненными были отношения между периодическими изданиями того времени. Самые ничтожные поводы – оговорки, некорректные выражения становились толчком к серьезным словесным баталиям. Повод спора порой был даже не столь уж важен. Главным было то, что в критических поединках оппозиционных по отношению друг к другу журналов со всей очевидностью

выявлялись их принципиальные расхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. В.П. Андросов (1803-1841) – ученый статистик и экономист, видный деятель Московского общества сельского хозяйства, крупнейшего агрономического центра первой половины XIX века. Пост редактора «Московского наблюдателя» Андросов совмещал с должностью секретаря Общества улучшенного овцеводства и одновременно являлся редактором журнала для овцеводов». Воспитанный в традициях немецкой идеалистической философии, Андросов в 1820-е годы был близок к кружку Любомудров, сотрудничал в «Московском вестнике» и «Атенее», писал стихотворения и повести.
2. «Телескоп», 1836 год, XXXII, №№ 5-8, с. 120 - 154, 217-287. Далее в тексте указываются только страницы цитируемой статьи.
3. «Московский Наблюдатель», 1836 года, часть седьмая (май-июнь), С. 305-313. Далее в тексте указываются только страницы.
4. «Молва», 1836, № 10, С. 269-277. Далее в тексте указываются только страницы.

G. Ramazanova

IS THE CAST IRON ON THE AUSTERLITZ BRIDGE SONOROUS? (FROM THE CONTROVERSY HISTORY OF “MOSKOVSKY NABLYUDATEL”)

Abstract: The paper deals with a 19th century journal that was the hardly investigated. It is known to have been in active correspondence with the leading periodicals of that time. V. Belinskiy was one of the main opponents of the “Moskovsky Nablyudatel” (Moscow Observer). One little known article of his, called “Rumor” is a bright example of controversy illustrating his principle differences over the journal’s standpoint.

Key words: magazine, controversy, editor, critics.

УДК 82(091)

Рамазанова Г.Г.

ДУХОВНЫЕ ОЧЕРКИ Ф. ГЛИНКИ В «МОСКОВСКОМ НАБЛЮДАТЕЛЕ»*

Аннотация: В статье говорится об уникальных духовных очерках Ф. Глинки, опубликованных в журнале «Московский Наблюдатель». Писатель рассказывает о трагических судьбах бедняков, стараясь вызвать сострадание к «маленькому человеку»

у благополучных людей. Проповедь добра и христианского милосердия – главная цель очерков, пронизанных лиризмом. В очерках видны художественные приемы нарождавшейся в то время «натуральной школы».

Ключевые слова: журнал, духовные очерки, добро, христианское милосердие.

* © Рамазанова Г.Г.

В исследовательской литературе стало общим местом утверждение о том, что журнал «Московский Наблюдатель» не имел собственного направления, твердой эстетической позиции. Поскольку неофициальным редактором и ведущим критиком его фактически был С. Шевырев, то упреки были адресованы в основном ему. Мнение о размытости, неясно выраженной эстетической и нравственной позициях журнала восходит к статье Белинского «О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя». В этой обширной работе Белинский анализирует все критические статьи С. Шевырева за 1835-1836 годы, опубликованные в журнале. Белинский, в частности, говорит в ней: «...Слава Богу! Наконец-то я добрался до идеи «Наблюдателя!» Он хлопочет не о распространении современных понятий об изящном; теория изящного не входит в него, искусство у него в стороне; он старается о распространении светскости в литературе, о введении литературного приличия, литературного общежития, он хочет, во что бы то ни стало, одеть нашу литературу в модный фрак и белые перчатки, ввести ее в гостиную и подчинить зависимости от дам; цель истинно похвальная: кто не поревнует ей!» [1: 383-384]. Белинский иногда своеобразно выстраивал полемику со своими оппонентами: изъяс мысль из контекста статьи Шевырева и иронически осмыслив ее, он обеднил идею автора. Вообще отношения между Шевыревым и Белинским всегда были очень непростыми, впоследствии дошли до полного неприятия друг друга. Шевырева раздражала дерзость молодого критика, не признававшего никаких авторитетов.

Не менее критично звучит оценка позиции журнала и в работах, отделенных от эпохи Белинского и Шевырева большой временной дистанцией, например, в фундаментальной монографии В.С. Нечаевой. В.С. Нечаева пишет: «Московский Наблюдатель» был основан в марте 1835 В.П. Андросовым при ближайшем участии С.П. Шевырева и М.П. Погодина. При выходе первой его книжки такой опытный журналист, как С.Т. Аксаков, предсказывал его скорое падение... В.П. Андросов, при всех своих разнообразных знаниях и способностях, как редактор оказался лишенным важнейшего качества – умения дать журналу определенное направление, наполнить интересным для современного читателя материалом, придать изданию свою физиономию... Может быть, более других имел эту способность Шевырев, обильно поставивший в журнал свои писания и пре-

тендующий на роль ведущего критика. Но его ориентации на избранную светскую публику никак не соответствовали его собственные статьи, написанные в духе педантичной псевдоучености и лишены всякой остроты, легкости и изящества» [2: 105].

Подобные примеры можно продолжать, однако в последнее время переосмысливаются многие явления отечественной словесности, и роль отдельных персоналий в ней. В современных монографиях о С. Шевыреве его творческая, критическая, преподавательская деятельность оцениваются сугубо положительно [3].

Представляется, что и осмысление деятельности Шевырева в качестве главного критика и идеолога «Московского Наблюдателя» нуждается в корректировке. Неверными кажутся рассуждения о том, что журнал не имел определенного направления. Напротив, оно четко прослеживается при внимательном ознакомлении со всеми книжками журнала первого периода (1835-1837 гг.). Только при чтении всего массива публикаций складывается цельная картина. Между статьями, очерками, материалами отдела «Смесь», стихотворениями и прозой возникают сложные связи, прослеживается магистральное направление, которое могло быть незаметно при чтении отдельных номеров. Главное – воспитание высокой нравственности, уважения к православной культуре. В журнале было опубликовано большое количество материалов, решавших эту задачу. Во-первых, это публикации С. Шевырева, в частности рецензия на драму Н. Карамзина «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», статья «Московский театр. О Каратыгине в роли Ермака», [1835, №1]. Критическим отделом особо отмечались книги, связанные с христианской культурой. В декабре 1835 [№19] была помещена восторженная рецензия на книгу Н. Мельгунова «Путешествие по святым местам русским», в 1836 году [№ 8] в отделе «Смесь» была опубликована заметка «Достопамятности московские», в которой говорилось о знаменитой иконе, хранившейся в церкви св. Ермолая. В том же 1836 году был опубликован путевой очерк Н. Мельгунова «Путешествие в Травемюнде». Кажалось бы, тема очерка далека от православия, но, если внимательно вчитаться в «лирические отступления», обращают на себя внимание следующие строки: «Для людей, живущих внутренней жизнью, свет дня также тягостен, как и для птицы Минервиной, и они охотнее глядят на опускающееся солнце, или

на бледный свет луны, на эту Божью лампу ночи... Они любят вечер и захождение солнца потому, что это вестники духовного дня, как старость и смерть предтечи лучшей жизни. Но не одни поэты, ученые или мечтатели, а каждый из нас ощущает невыразимое успокоение и отраду в тихий летний вечер, при закате солнца ... Да, до завтра и шум и суета, и заботы; теперь все земное забыто: кипучие страсти улеглись и уступили место тихому небесному чувству, теплой любви или дружбе; жгучий пламень души опал и превратился в мерцание теплящейся перед образом лампы» [4: 23]. В этом рассуждении видно мироощущение верующего человека, их лиризм навеивает ассоциации с элегиями В.А. Жуковского. В ряд произведений, родственных по духу к прозе Н. Мельгунова, можно включить и стихотворения И.Бороздны, А. Ростопчиной, А. Хомякова и других, размещенные в журнале. Но особенное внимание привлекает три произведения Ф. Глинки, напечатанные журналом. Жанр этой своеобразной трилогии определить сложно, очень уж она самобытна, оригинальна. Сам писатель определяет жанр своих произведений как «очерк». Он создает небольшие зарисовки из жизни, своеобразные репортажи, в которых описывает невыносимую нищету обделенных судьбою людей. Причем делает это необыкновенно скрупулезно, в очерках проглядывает многое, что будет характерным для поэтики только нарождавшейся тогда «натуральной школы». Описания жизни бедняков пронизаны лиризмом. Автор «разглядывает» картинку этой жизни вовсе не из праздного любопытства, а с благородной целью: оказать посильную помощь несчастным, пробудив сострадание у людей благополучных. Искренность сочувствия писателя не вызывает сомнения. Обратимся к замечанию авторитетного исследователя творчества Ф. Глинки В.П. Зверева: «Будучи наблюдателем за петербургскими богоугодными заведениями и тюрьмами, он оставался до того сердобольным, что, по его собственному признанию, «не мог сносить ничего страдания и страдал не менее самого страждущего», и в душе никогда не соглашался с циничной иронией М. Сперанского, пытавшегося убедить его, что «на погосте всех не оплачешь»! [5: 115]

В журнале 1836 года [часть VI] опубликована первая часть «трилогии» – очерк «Федот Исаев или Бедное семейство в клетке». Начинается повествование с описания страшных морозов, стоявших в ту пору в Москве: «Кто не помнит морозов, так неожиданно на-

помнивших старую, сердитую Русскую зиму нашей старой, доброй Москве? Это были морозы, от которых трещали стены, портились термометры, вода, взбрызнутая на воздух, превращалась в лед...» [6: 336]. При этих обстоятельствах происходит знакомство с героем: «В один из таких морозов, часу в 12-м ночи, бежал *кто-то* по опустелым улицам, в нагольном тулупчике, в истертой полярковой шапке, без рукавиц, на край Москвы. Этот *кто-то* был человек не старый, лет тридцати, но от природы дряблый и робкий, как говорится у нас, *человек смиренный...*» [6: 336].

Уже в этом первом описании видна жалость автора к «маленькому», смирному герою, столь характерная для русской классической литературы. Эпитеты, «дряблый», «робкий», «смирный», употребленные автором, вызывают сострадание к бедняге. Далее в повествовании – лирическое отступление о русском морозе: «Иностранцы, не знающие России, не имеют понятия о Русском морозе. Это сущий чародей: он все превращает в хрусталь и бриллианты. Вы живете в оледенелых домах, в хрустальном городе. Наружные стены обтянуты богатым серебряным глазетом. Каждая ветка на дереве – жирандоль; каждая льдинка – алмаз... Человек любит бороться с исполинскими стихиями и часто побеждает их;... но мороз нападает на него с налету... – В таком положении был наш *кто-то*. Жутко ему! Он останавливается, дует в голые пальцы, машет, хлопает руками по бедрам и пускается опять бежать без памяти, как будто целые стаи привидений его догоняют. Бедняжка! Как ему хочется дорваться до теплого гнезда!» [6: 337]

Бедняк добирается до дому, но ворота заперты: колотить в окна не смеет – там живут почтенные жильцы, «а он человек бедный, смиренный». Не в силах протиснуться в подворотню, он замерзает. Писатель описывает его муки: «Он завяз в теснине. Руки без рукавиц окостенели, одежды распахнулись, мороз охватил его во всех направлениях и крепко впился в свою добычу. ... Круги, все светлые, голубые, огненные круги носились в воздухе ... Шея несчастного выпрямилась и окостенела. Посинелое лицо исказилось. Правая рука, разгребавшая снег, скорчилась. Левая осталась распростертой в покое. На сине-багровых щеках выступили белые пятна. Брови и волосы засеребрились. Крепко стиснутые зубы оскалились. И так один, в глухую полночь, никем не услышанный, на пороге своего жилья, этот несчастный ... уснул, застыл, обеспамятел, умер!» [6: 339].

Автор рассказывает историю своего героя – Федота Исаева, медника, который встречается со своей семьей только по выходным, неделю проводя в мастерской хозяйина. Обледеневшего Федота вносят в комнату-клетку. Дети плачут. «Детский плач есть молитва. Может быть она-то и достигла до слуха Того, кому покорны жизнь и смерть. Исаев открыл глаза» [6: 341-342]. Ф. Глинка описывает несчастья семьи: «Я видел семейство Исаева: он живет в клетке, за которую платит, однакож, 50 рублей в год! Я видел самого Исаева: он лежит в великолепной Марининской больнице... Но у него отняты четыре пальца на правой руке и один на левой ноге. Другие еще отгнивают. Вообще ноги его сильно пострадали: и до сих пор он не может ходить! Врач, сделавший искусную операцию, сказал мне, что Исаев будет здоров. Но будет ли он в состоянии работать? Итак, вот вся история бедняка, который с потерей перстов, вероятно, потерял способ прокармливать свое семейство и нанимать для него хоть теперешнюю клетку!» [6: 342-343]. Рассказывая эту страшную в своей обыденности историю, автор взывает к христианским чувствам: «Москва, как говорят старожилы, славилась с незапамятных времен гостеприимством и христианским милосердием. И вот для чего... рассказал я историю бедняка Исаева. Теперь обращаюсь... преимущественно к прекрасному полу». Невольно вспоминается упрек Белинского! Но не о «распространении светскости» в данном случае хлопочет «Московский Наблюдатель». Обращаясь к читательницам, автор взывает к милосердию: «Любезные читательницы! Может, вы прочтете эту статью, отправляясь на бал или возвращаясь с бала... Как хорошо на московских балах! Какие великолепные залы! Какое чудесное освещение! Везде хрусталь, бронзы, зеркала. Везде радуги, блеск, отражение ... А вы, прекрасные читательницы! В вашем бальном наряде, с вашими живыми букетами, вы носитесь, как мечты в воображении поэта, в этой очаровательной стихии – *стихии бала!* Как вам легко порхать на бале, как покойно жить в огромных покоях!... И как тяжело человеку бежать по морозу, как трудно целой семье тесниться в конурке, которая, право, не более той бронзовой, канареечной клетки, которую вы можете увидеть у купца Волкова в его меняльной лавке!» [6: 343]. Автор применяет прием контраста, показывая, что существует другое бытие, не соприкасающееся с жизнью красавиц. Ф. Глинка говорит с читательницами поэтическим языком: «Послушайтесь-

же вашего доброго сердца, займитесь своим туалетным бюджетом. Убавьте что-нибудь от лент, немножко от чепцов, немножко от шалей... и, жительницы палат! помогите бедному семейству в клетке!..» [6: 344].

Далее автор говорит о благодарности, о которой люди зачастую не задумываются: «Бог знает!» говорят седые, наморщенные старики: «таково ли то будет на том свете как здесь?!» И, вслед за тем, начинают рассказывать о вечном огне, о страшном холоде, которые Дант так пиитически описал в своем описании ада. Но я, основываясь на самых верных источниках, могу уверить вас, прекрасные благотворительницы, что там, в стране вечных пожаров и льдов, есть дорожки лазоревые, весело бегущие к местам светлым... И когда существа, слитые из жизни и света, из любви и радости, поведут вас по этим дорожкам, и вы, в слезах любви и благодарности, воскликните: «Чем заслужили мы такое счастье?!» Голос сладкий, как утешение Веры, небесный, как истины Святого Евангелия, скажет вам: «Вы посетили заключенного в темнице; убогого в приюте нищеты; калеку на одре его страдания!» Посетите же бедное семейство – в *клетке* и бедняка калеку – в *больнице!*» [6: 344]. Даже указывая адрес, Ф. Глинка выражает свои мысли поэтично и трогательно: «Пособия могут быть адресованы и в редакцию Наблюдателя, который с удовольствием войдет в посредство между Благотворением и Нищетою».

Следующий очерк – «К благотворителям и благотворительницам бедного Федота Исаева и семейства его, *жившаго в клетке*» – опубликован в 1836 году, в девятом номере журнала. Обращает внимание словосочетание, выделенное в заголовке курсивом. Автор сразу дает понять, что в жизни семейства произошли счастливые перемены. Очерк композиционно выстроен так же, как предыдущий. Те же воспоминания о жутких морозах, то же описание привольной, прекрасной жизни богатых людей: «Да! прекрасные читательницы! Прекрасно в ваших московских покоях, где вы, смеясь над русскою зимою, сочиняете себе *домашнюю Италию*. Высокий лавр стоит над вашим письменным столиком... поморанец хвалится золотистым плодом своим у большого зеркального окна, слегка подернутого дымчатым инеем мороза... Хорошо на ваших *музыкальных вечерах*, где вы сами, легкие как мысль, как звук, тонете в море звуков и гармонии... Весело являться в собрания разнаряженными ... Но отчего-ж в ваших *покоях*, вы бываете часто *беспокойны?*»

[7: 364-365]. Исподволь автор подводит читательниц к мыслям высоким. Его проповедь, а это лирическое отступление вполне можно назвать ею, призывает к добру: «Сердцу веселящемуся – лице цветет», сказал один высокий мудрец. Ну, так, хотите-ли, чтобы лицо ваше было моложавое, цветущее?... Имейте *веселое сердце!* – А как – же это сделать? – пробуйте сделать *доброе дело* – осушить слезу, унять вздох, поднять увядающую надежду... Вы увидите над собою чудо! – Тотчас какая-то искра – искра чистая, *световая*, упадет в ваше сердце... Как поцелуй весны раскрывает чашечку розы, эта искра раскроет ваше сердце, ... и вы почувствуете радость, которой нет в продаже на пестром рынке жизни, которую дает *одно* самодовольствие – *сознание добра*. Вот *материальная* сторона той радости, которая, как тень, всегда следует за *добрым делом!* Чрез *доброе дело* вы тотчас соединяетесь с тем источником – близким и далеким – откуда *радости сходят!*» [7: 366]. Автор пытается донести свои мысли всеми средствами, в том числе, выделяя знаковые словосочетания графически, так они привлекают особое внимание читателя. Красной нитью проходят слова «добро», «радость», – для Ф. Глинки это слова-синонимы, и он добивается того, чтобы его мировосприятие стало общим для всех. Далее следует рассказ о судьбе героя: «Федот Исаев и его семейство чрез руки или из рук по большей части неизвестных получили около 700 рублей. На эти деньги бедный Исаев уплатил свои долги, выкупил ... заложенные пожитки, перешел из клетки в светлицу ...» [7: 368]. Ф. Глинка счастлив, что ему удалось изменить его судьбу. Выражает свою благодарность автор оригинально, создавая зарисовки, которые композиционно выстроены так, что оттеняют друг друга: «И так от имени этого семейства благодарим и ту важную даму, которая в дорогой карете с ливрейными лакеями, со всеми затеями модной пышности, не поленилась заехать в одну из отдаленных частей города, остановилась у ворот, где живет несчастное семейство, вызвала его из клетки и подарила беднякам *два золотых*. – Благодарим и ту бедную молоденькую девушку, которая в самом скромном платьице, идя к ранней обедне, зашла на двор к Исаевым, впорхнула птичкой в их *клетку*, приласкала малюток, поговорила с бедняками, прослезилась и дала им *два* полтинника!» [7: 368-369]. Видно, насколько тщательно продуманы автором все детали этих сценок, видна их «драматургия», понятен их глубокий подтекст.

В этом же очерке автор рассказывает новую историю. – «Несколько слов о бедном семействе Р-к-тск-х». Это история семейства отставного чиновника девятого класса. В семье – большая жена, шесть дочерей-бесприданниц и слепой, душевно больной сын. Живут они на самой окраине Москвы. Эти люди достойно несут свою бедность, не жалуясь и не прося о помощи. Безыскусственность рассказа пронзает читателя глубокой печалью, писателю удается передать тягостную атмосферу жизни этих людей. Все дочери – рукодельницы, «старшая, девушка с золотыми руками, почти содержит семейство одними трудами своими» [7: 371]. Писатель проникновенен, от него не укрываются детали нищенского быта. Он расспрашивает хозяйку, как они живут: «Что вы делаете в длинные, осенние вечера? – «Мы сидим, – сказала мать, кругом стола и работаем. Дочери, поочередно читают вслух вот эту книгу!» ... это были Жития Святых и Мучеников. – Ни чашек, ни самовара, никакого следа житейских прихотей не видно было в комнате. Я даже не заметил ни одного отломка зеркала, а это чудо, где есть шесть молодых девиц» [7: 371]. Но самое гнетущее впечатление на автора производит калека, полностью отгороженный от внешнего мира своей слепотой и душевной болезнью: «И как же велико должно быть несчастье семейства Р-го, когда можно без ошибки сказать, что юноша без *идей* и без *зрения* есть счастливейшее лицо в этом семействе!.. На вопрос: «весело ли тебе? – Он улыбнулся самою светлою улыбкою «Все хорошо! Все хорошо!» – Бедняк! Не видит и не понимает ни своего, ни чужого горя!» [7: 372]. Автор призывает помочь несчастным в канун Рождества: «Пусть же, по вихрю общего удовольствия пробежит, в виде вопроса, незаметная мысль: «А что в это время делают бедные?!» – Эта добрая мысль сожмет не одно жалостливое сердце и разожмет не одну руку на щедрое подаяние ближнему...» [7: 373].

Третья статья, завершающая «трилогию» [8], вновь рассказывает о семье Р-го. Автор приводит новые «горестные подробности...быта людей скромных, ненавязчивых, не хотевших жаловаться вслух, не умевших просить» [8: 443], излагает факты, оставшиеся за рамками второго очерка. Он пишет: «У шести дочерей, например, было одно праздничное платье... И это бедное платье не уцелело! За *две* горсти муки и несколько зелени, чтобы приготовить похлебку для *больной матери*, это платье заложено в мелочной соседней лавочке... После этого нужды возрастали все более...

Долго колебалась мать, и наконец решилась – заложить *окладную* Икону *Святителя Николая*. – Невольная грусть охватывает сердце, когда слушаем простосердечный рассказ об этом обстоятельстве, конечно частном, мелочном, незаметном для света, занятого великими событиями...» [8: 445]. Автор, теперь уже иронически, говорит о «проблемах» света. Он рисует картинку, героиня которой – светская красавица, вернувшаяся утром с бала. Она «раздражена справедливым негодованием за то, что ее *личный*, субъективный блеск слишком скоро исчезал в общем *объективном* великолепии праздника... – Сколько таких красавиц, говорю я, уныло стоя перед огромными зеркалами ... бросают далеко от себя ожерелья, ленты, иногда *алмазы*, из которых каждый (малейшая искорка в большом гребне) мог бы пропитать целое большое семейство!» [8: 445–446]. Ф. Глинка вновь использует прием контраста, создавая объемную, многомерную картину бытия, в которой параллельно существуют роскошь и нищета: «И так ...в одну из таких ночей, когда в сорока домах по безбрежной Москве кипело заказное наслаждение, – в отдаленном закоулке Москвы ... бедная мать, в темном угле бедного сырого жилья, едва освещенная трескучею лампадою... стоя на коленях, подымала свои иссохшие руки к заветному Святому лику, с которым должна была расстаться с наступлением утра печального» [8: 446-447]. Какой лиризм, какое сострадание к тихому горю несчастной женщины! Эпитет «бедный» становится здесь многозначным. Но, показав кульминацию отчаяния, автор снимает напряжение, повествуя о том, что нашлись люди, которые помогли: «На клич несчастья откликнулось благотворение и понеслось из чертогов и хижин (да! даже из хижин!) отыскивать высокий чердак... несчастливцев. – Люди *добрые* нашли и одарили людей *бедных*» [8: 447]. Далее автор прилагает отчет о помощи. Трогательно, что указаны все суммы, независимо от их размера. Вот некоторые: От неизвестного – 8 рублей 40 копеек, от Г. Издателя «Наблюдателя» – 115 рублей, от княгини К-й – 11 рублей 70 копеек и так далее. Подлинность следующей истории, рассказанной Ф. Глинкой, вызывает некоторое сомнение, но в соответствии с авторской задачей, служит назидательным уроком светскому обществу. Молодая дама, посетившая героев, рассказывает: «Я была вчера ...на большом, очень большом бале... Мне грустно стало, когда я узнала, сколько потрачено на бал, о котором через несколь-

ко дней никто и говорить не будет! Десятой доли того, что истрачено, слишком достаточно было, чтобы кормить всю вашу семью по крайней мере *целый год!* – Вот почему я решилась увезти у вас одну дочь и пристроить ее к месту! Итак, заключает автор, вот *еще одно* семейство *восстановленное!* [8: 448]. В конце статьи автор приводит еще несколько адресов бедных людей, нуждавшихся в поддержке. Ф. Глинка, вероятно, рассчитывал, что редакция «Московского Наблюдателя» будет продолжать этот, как сказали бы сейчас, «благотворительный марафон», однако подобных публикаций в журнале больше не было. Неизвестно, какими это было вызвано причинами, но уникальность подобных очерков в светском журнале очевидна. Их характер свидетельствует о том, что для редакции «Московского Наблюдателя» было необыкновенно важно воспитывать добрые чувства и призывать «милость к падшим», и в этом проявлялась высокая нравственная культура этого журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белинский В.Г. О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя» // Телескоп, 1836 год, XXXII, №№ 5-8, с. 120-154, 217-287.
2. Нечаева В.С. В.Г.Белинский. Жизнь и творчество 1836- 1841. – М., 1961.
3. Например: В.А. Мартынов. С.П. Шевырев и русская литературная критика 1820-1830-х годов. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1988.
4. Московский Наблюдатель, 1836, часть 8, №№ 9-12. С.П. Шевырев – первый профессор истории российской словесности в Московском университете. – М., 1999. С.П. Шевырев об отечественной словесности/ Составление, вступ. Статья, коммент. В.М. Марковича. – М., 2004.
5. Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. – М, 2002.
6. Глинка Ф. Федот Исаев или Бедное семейство в клетке // «Московский наблюдатель», 1836, часть VI, № 1-4, с. 336-344. Далее в тексте будут указываться только страницы. Авторская пунктуация и орфография приведены без изменений.
7. Глинка Ф. К благотворителям и благотворительницам бедного Федота Исаева и семейства его, жившаго в клетке // – «Московский Наблюдатель», 1836, № 9, с. 363-373.
8. Глинка Ф. К благотворителям семейства Р.к.т.с.хъ. Читателям и читательницам Московского наблюдателя. // «Московский Наблюдатель», 1837, №11, с. 443-451.

G. Ramazanova
SPIRITUAL ESSAYS BY F.GLINKA IN
THE “MOSCOW OBSERVER”

Abstract: The article tells about the unique spiritual essays by F. Glinka, published in the “Moscow observer” magazine. The writer

tells about the tragic destinies of the poor, trying to provoke sympathy of successful people for "humble folk". The main goal of these essays which are full of lyricism is propagation of kindness and Christian charity. The artistic

methods of so-called "Natural school" which was coming into being at that time are evident in these essays.

Key words: magazine, spiritual essays, good, christian grase.

УДК 821.0

Тарасова М.Р.

ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.А. ИЛЬИНА*

Аннотация: Автор статьи реконструирует понятие литературной критики в интерпретации И. А. Ильина, систематизирует задачи и требования, которые формулировались философом применительно к данному виду научно-художественной и коммуникативной деятельности, показывает, как программно-теоретические установки преломлялись в конкретной литературно-критической практике И. А. Ильина.

Ключевые слова: И. А. Ильин, литературная критика, чтение, эстетический предмет.

И.А. Ильин не дает определения критики как таковой. Однако, суммируя отдельные его высказывания, можно очертить следующий объем содержания для данного понятия в его интерпретации: критика, по Ильину, – человеко-, и тайноведение, свободное созерцание и осмысление Главного сквозь призму художественного произведения. «Главное» здесь – эстетический предмет, или просто Предмет – последняя, религиозная глубина мира и человека, их духовная сущность, истина того, что носит название вещей. Именно этой глубиной И. А. Ильин измеряет литературу и искусство, и только предметное искусство, в его представлении, имеет право быть художественным.

Подобный подход обуславливает соответствующие требования к критике и критикам. Эти требования И. А. Ильин формулирует во введении к книге «О тьме и просветлении» (написана в 1939, опубликована в 1959 году). Изначально фиксируя двуединство процесса чтения-критики (введение так и называется «О чтении и критике»), И. А. Ильин утверждает, что чтение в принципе – особое искусство, своего рода «художественное ясновидение» [1], в связи с чем любому читателю, а критику тем более, вменяется в обязанность развивать в себе эту способность.

Какое же чтение, по мнению И. А. Ильина, дает право на критику? «Читать, – пишет он, – значит: верно и чутко воспринимать ткань слов (эстетическую материю), легко и покорно усваивать творческое видение художника (его эстетический акт), точно и легко воспринимать описываемые им картины внешнего и внутреннего мира (эстетические образы) и с духовной зоркостью проникать до того главного помысла, из которого рождено все произведение (до эстетического предмета)» [2].

Исходя из того, что критик – профессиональный, или, иначе, художественно-аналитический читатель, на него возлагается двойная ответственность за полноценное восприятие произведения. Критик, по Ильину, должен пройти от слова через образ к предмету и обратно – от предмета через образ к слову, – не только интуитивно, чувством, воображением и волей, но и сознательной мыслью; он должен свести все к главному и опять развернуть все из главного, следуя за указаниями автора; «как бы *вобрать все произведение в его собственное художественное солнце*, а потом проследить, пронизывает ли оно своими лучами все свои образы и всю свою словесную ткань» [2]. Критик должен воспринимать произведение целостно, как воплощенную тайну... При этом он должен испытывать предметные обстоятельства (термин Ильина. – М. Т.) в самостоятельном личном опыте *до того*, как он станет верным и чутким читателем конкретного автора. Тогда он сможет созерцать «несказанный и вот все-таки во-ображенный и высказанный Предмет» [2]. Только тогда Предмет «сработает» как основной критерий, которым измеряется

Исходя из того, что критик – профессиональный, или, иначе, художественно-аналитический читатель, на него возлагается двойная ответственность за полноценное восприятие произведения. Критик, по Ильину, должен пройти от слова через образ к предмету и обратно – от предмета через образ к слову, – не только интуитивно, чувством, воображением и волей, но и сознательной мыслью; он должен свести все к главному и опять развернуть все из главного, следуя за указаниями автора; «как бы *вобрать все произведение в его собственное художественное солнце*, а потом проследить, пронизывает ли оно своими лучами все свои образы и всю свою словесную ткань» [2]. Критик должен воспринимать произведение целостно, как воплощенную тайну... При этом он должен испытывать предметные обстоятельства (термин Ильина. – М. Т.) в самостоятельном личном опыте *до того*, как он станет верным и чутким читателем конкретного автора. Тогда он сможет созерцать «несказанный и вот все-таки во-ображенный и высказанный Предмет» [2]. Только тогда Предмет «сработает» как основной критерий, которым измеряется

* © Тарасова М.Р.